

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Саратов, Саратовская область

**ОСНОВАНИЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ТАГАНРОГСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация: статья посвящена основанию и первым годам существования новой Таганрогской исправительной колонии для несовершеннолетних правонарушителей в самом конце XIX в. Рассказывается об устройстве колонии, первых годах ее существования, воспитании и обучении малолетних арестантов.

Ключевые слова: Россия, Российская империя, XIX век, Таганрог, исправительные учреждения, несовершеннолетние преступники, ремесленное производство, наказание, пенитенциарная система, воспитание, обучение.

Движение по спасению несовершеннолетних правонарушителей от тюрем, зародившись в Западной Европе в первой трети XIX в., постепенно пришло и в Российскую империю. В России стали открываться один за другим исправительные приюты и колонии для исправления несовершеннолетних правонарушителей: Московский Рукавишниковский городской приют [4], Санкт-Петербургская исправительная земледельческая колония, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют [5; 6] и многие другие.

Среди открывшихся в самом конце XIX в. исправительно-воспитательных заведений была Таганрогская исправительная колония, образованная в память двадцатипятилетия Таганрогского окружного суда (далее – Таганрогская исправительная колония).

Первоначально было открыто Общество исправительных приютов в память двадцатипятилетия Таганрогского окружного суда. Устав общества был утвержден 29 января 1895 г. [1, с. 73]. Первоначальный учредитель общества, В.П. Мордухай-Болтовский, председатель Таганрогского окружного суда, всеми силами стремился к открытию колонии, и уже 30 апреля 1895 г. состоялась торжественная закладка зданий «новоучрежденной колонии, на участке земли в 6 верстах от Таганрога, пожертвованном для этой цели А.М. и Е.В. Стороженко» [2, с. 301–302]. В финансовые фонды общества для основания колонии поступили весьма солидные суммы денежных средств: «...частных лиц (18 пожизненных членов общества пожертвовали 11 640 рублей), денежные отпуска, назначенные городскими общественными управлениями, 15 волостными и 11 сельскими сходами, а также многими из местных торгово-промышленных заведений и банков, дали обществу, вместе с выручкой от спектаклей и кружечного сбора, капитал в 39 303 рубля 51 копейку, с которым оно начало уже свою деятельность» [2, с. 302].

Д.А. Дриль – один из самых серьезных дореволюционных исследователей проблем подростковой преступности, на тот момент инспектор Главного тюремного управления, также сообщал о том, что «с величайшим удовольствием можно отметить, что в 1897 г. на помощь Таганрогской исправительно-воспитательной колонии приходили две городские думы, две уездные земские управы, Таганрогское мещанское общество, Таганрогская ремесленная управа, Таганрогское общественное собрание, 3 банка, Ростовское общество взаимного кредита, Мариупольское еврейское духовное управление синагоги, попечительство по делам еврейских поселений в Екатеринославской губернии и – что особенно замечательно – 15 волостных и 5 сельских сходов. Видно, что дело колонии становится народным делом, а это и есть то, к чему, между прочим, следует стремиться в деятельности подобных учреждений» [3, с. 407–408].

Благодаря таким довольно большим поступлениям смета 1898 г. общества превысила приход над расходами «на 2 443 рубля 4 копейки и правление колонии

решило, если поступления в начале года будут оправдывать сметные предложения», употребить излишек на приспособления к увеличению с 1899 г. приемоспособности заведения до комплекта в 60 человек и тем спасли еще значительное число детей от развращающего тюремного сиденья» [3, с. 408].

К сожалению, состав общества постоянно менялся. В 1897 г. выбыли «инициатор дела колонии, председатель правления общества, В.П. Мордухай-Болтовский, затем следующий председатель правления Р.В. Самсон-фон-Гимельштерн и 4 члена правления. На место выбывших избраны: председателем правления председатель Таганрогского окружного суда А.А. Боголюбов, заступающим его место прокурор того же суда А.Г. Барвинский (выбыл в конце года) и членами – член окружного суда Я.М. Затворницкий и мировой судья Л.П. Иловайский, по избранию от мирового суда» [3, с. 409].

Первоначально количество воспитанников колонии было невелико. На 1 января 1897 г. в колонии «состояло 3 воспитанника; в течение года поступило 35 человек, выбыл 1 человек и на 1 января 1898 г. состояло 37 человек. Из них были помещены: за нищенство 1 человек, за соучастие в убийстве 1 человек и за кражи 35 человек. Семь питомцев были в возрасте до 14 лет, 30 питомцев – старше этого возраста» [3, с. 409]. Практически все находившиеся в колонии были отправлены туда за кражу. Закон позволял держать в колонии до 21 года, но на практике держали до 18 лет.

Была создана система распределения воспитанников на разряды по поведению и успехам в занятиях: «Согласно введенной системы, вновь поступающие не зачисляются ни в какой разряд в течение первого месяца и только находятся под наблюдением. По прошествии этого срока они зачисляются в один из низших разрядов – 4 или 5. В последний зачисляются только те, которые, по выражению отчета, замечены в разных «выдающихся» проступках – «дерзостях, ослушании, постоянной лени, наглой лжи». Все остальные зачисляются в 4-й разряд. Перевод из 5-го разряда в 4-й обусловлен улучшением поведения, а также и продолжительностью времени: не ранее 2 месяцев пребывания в 5 разряде после

совершения последнего «выдающегося» проступка. Хорошо ведущие себя питомцы 4-го разряда переводятся в 3-й, но не прежде, как через три месяца после зачисления в первый из них. Пробывшие в 3-м разряде не менее четырех месяцев и все время улучшавшиеся в поведении и повышавшиеся в успехах по обучению, переводятся во 2-й разряд. Требования, предъявляемые к воспитанникам 2-го и 1-го разрядов в отношении поведения, успехов и прилежания, одинаковы. Все различие сводится к основывающейся на опыте степени уверенности в прочности последовавшего улучшения. В 1-й разряд переводятся пробывшие не менее 6 месяцев во 2-м, поведение и успехи которых в течение всего этого времени были приблизительно одинаково хороши. Зачисленные в 1-й разряд – это уже питомцы, которые признаются достойными выпуска, если только они окончили курс школы и приобрели достаточное умение и навык в ремесле» [3, с. 410].

Конечно, столь великовозрастные воспитанники, да еще попавшие в колонию за совершенные уголовные преступления, подвергались дисциплинарным наказаниям. «В числе наказаний значится карцер до 3 суток без лишения горячей пищи и на одни сутки с таким лишением, оставление на хлебе и воде, оставление без ужина, без чая, постановка на колени и прочее» [3, с. 411]. Необходимо отметить, что система взысканий не была слишком строга и репрессивна, по сравнению с Западной Европой, где телесные наказания в исправительно-воспитательных заведениях применялись достаточно часто, а в Великобритании вплоть даже до 50-х годов XX в.

Д.А. Дриль приводил такой пример, виденный им в Германии, во время ознакомительной поездки: «Мне припоминается по этому поводу случай, виденный мною в Валдхеймской тюрьме в Саксонии. За невыполнение рабочего урока арестант был подвергнут на 8 дней так называемому легкому аресту, т.е. заключению в небольшую клетку, сделанную из острых трехгранных призм, а затем поставлен на обычный рабочий урок, которого он, конечно, не закончил, за что и был наказан сечением» [3, с. 413]. Показательно, что эти варварские виды наказаний в Германии применялись уже в конце XIX в., в том числе и к несовершеннолетним правонарушителям.

Не все было благополучно в стенах колонии. Один из воспитанников готовил побег после драки с товарищем. За драку он был «оставлен без каши и при этом вступал с воспитателем в пререкание, заявляя, что жизнь в колонии для него хуже каторги: «Заставляют работать с утра до вечера, а есть не дают». За это он, конечно, подвергся новому возмездию и был заключен в карцер на трое суток. В первые дни к заключенному «положительно не было никакого приступа» и он все выражал намерение бежать. На третий день мальчика вызвали в контору для увещания в присутствии директора, воспитателя и фельдшера. Увещание не имело успеха, и его вернули в карцер. По счастью, в этот день в колонию приехали некоторые члены правления и пожелали зайти к заключенному» [3, с. 414]. В результате беседы с юным узником он был освобожден из карцера, и «все уладилось».

Дело исправления несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи было сложным и, как всякий просветительский труд, неблагодарным. Маленькая зарплата, отсутствие социальных гарантий и выслуг мешали организации более широкой сети исправительных колоний в России. Таганрогская исправительная колония – яркий пример организации исправительно-воспитательного учреждения в тяжелейших условиях полного отсутствия поддержки государства делу исправления и перевоспитания несовершеннолетних преступников.

Список литературы

1. Тюремный вестник. – 1895. – №2.
2. Отчет о Таганрогской исправительной колонии, образованной в память двадцатипятилетия Таганрогского окружного суда // Тюремный вестник. – 1896. – №5.
3. Дриль Д.А. Отчет Таганрогского общества исправительных приютов за 1897 год / Д.А. Дриль // Тюремный вестник. – 1898. – №8.

4. Лаврентьев М.В. Создание Московского городского Рукавишниковского приюта для несовершеннолетних преступников (1864–1866 гг.) / М.В. Лаврентьев // Развитие современной системы образования: теория, методология, опыт. – Чебоксары, 2019.

5. Лаврентьев М.В. Саратовский исправительный приют имени М.Н. Галкина-Враского (1873–1917 гг.) / М.В. Лаврентьев // История государства и права. – 2010. – №12.

6. Лаврентьев М.В. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют в 70–90-х годах XIX в. / М.В. Лаврентьев, А.В. Косырев // Педагогические и социальные вопросы образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 августа 2020 г.) / гл. ред. Ж.В. Мурзина. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020.